

Постсоветская идентичность: ресурсы интеграции

Екатерина Владимировна Каргаполова ,
Ирада Азимовна Мусаева, Мария Алексеевна Крестова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Россия
Контакт для переписки: k474671@list.ru

Аннотация. В условиях глобализации, усиления межрегионального соперничества и острого информационного противостояния актуализируется необходимость анализа идентичности в качестве когнитивной схемы, определяющей социальное поведение индивида; системы координат, позволяющей индивиду адаптироваться и творчески преобразовывать окружающую действительность; совокупности наиболее значимых гражданских ценностей — солидарности, интеграции. Особенно это касается России в связи с ее изменившейся геополитической позицией в современном мире.

Авторы статьи рассмотрели характеристики постсоветской идентичности, сложившиеся в научном дискурсе. Проявления пространственно-территориальной идентичности в постсоветской идентичности современных россиян исследованы на основе научных работ и результатов эмпирических исследований по типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Авторы пришли к выводу, что постсоветская идентичность как социальный конструкт обладает определенным потенциалом. Локально-поселенческая идентичность преобладает над общероссийской и макрополитической идентичностью (в рамках статьи — идентичности в жителями бывших республик СССР). Около половины респондентов ощущают близость с людьми своего поселения. При этом через тридцать лет после распада СССР треть опрошенных чувствует близость с жителями России и бывших республик СССР, треть — не чувствует, треть — безразличны. Это свидетельствует о том, что общероссийское и постсоветское пространство представляют собой арену острого идеологического противостояния с сохраняющейся при этом возможностью победы любой идеологии, в рамках которой будут предложены наиболее адекватные для социальной системы цели, задачи

и средства их реализации. Для реализации комплекса вызовов-задач, стоящих перед Россией как современным государством, требуется новый (без приставки «пост-» в наименовании) идеологический проект пространственно-территориальной, национально-гражданской идентичности, формирующий личность, субъекта общественного развития.

Ключевые слова: идентичность, постсоветская идентичность, пространственно-территориальная идентичность, локально-поселенческая идентичность, общероссийская идентичность, макрополитическая идентичность

Благодарности: Авторы статьи выражают признательность исследовательской группе кафедры социологии Северо-Кавказского федерального университета за предоставленные данные эмпирического исследования в Карачаево-Черкесской Республике.

Цитирование: Каргаполова Е. В., Мусаева И. А., Крестова М. А. 2023. Постсоветская идентичность: ресурсы интеграции // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. Том 9. № 3. С. 6–25. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-6-25>

Поступила 31.07.2023; одобрена 25.08.2023; принята 31.08.2023

Post-Soviet identity: integration resources

Ekaterina V. Kargapolova , Irada A. Musayeva, Maria A. Krestova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Corresponding author: k474671@list.ru

Abstract. In the context of globalization, increased inter-regional competition, and acute information confrontation, the need for analysis of identity has become more relevant. Identity serves as a cognitive framework that shapes an individual's social behavior, a coordinate system that allows individuals to adapt and creatively transform their surrounding reality, and a set of the most significant civic values such as solidarity and integration. This is particularly relevant for Russia considering its changing geopolitical position in the modern world.

The authors of the article have examined the characteristics of post-Soviet identity as established in the scientific discourse. Expressions of spatial-territorial identity within the post-Soviet identity of modern Russians are analyzed based on scientific works and results of empirical research using the standard methodology of the All-Russian Research Program “Socio-Cultural Evolution of Russia and its Regions”. The authors concluded that the post-Soviet identity as a social construct possesses

certain potential. Local-settlement identity prevails over the broader Russian and macro-political identity (within the scope of the article — identity among residents of the former USSR republics). About half of the respondents feel a connection with the people of their settlement. However, thirty years after the USSR's collapse, a third of the respondents feel a connection with the residents of Russia and the former USSR republics, a third do not feel this connection, and a third are indifferent. This indicates that the All-Russian and post-Soviet space is an arena for acute ideological confrontation, with the possibility of any ideology prevailing, provided it proposes the most suitable goals, tasks, and means for the social system. To address the complex challenges facing Russia as a modern state, a new ideological project (without the prefix “post-” in the name) of spatial-territorial, national-civic identity is needed, shaping the individual as a subject of social development.

Keywords: Identity, post-Soviet identity, spatial-territorial identity, local-settlement identity, All-Russian identity, macro-political identity

Acknowledgements: The authors of this article would like to thank the research team of the Department of Sociology of the North-Caucasus Federal University for providing the data of the empirical study in the Karachay-Cherkess Republic.

Citation: Kargapolova, E. V., Musayeva, I. A., & Krestova, M. A. (2023). Post-Soviet identity: integration resources. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, 9(3), 6–25. <https://doi.org/10.21684/2411-7897-2023-9-3-6-25>

Received Jul. 31, 2023; Reviewed Aug. 25, 2023; Accepted Aug. 31, 2023

Введение

Изучение феномена идентичности как анализ отношений человека с социальной группой, этносом, нацией, государством посредством механизма самоидентификации приобретает все большее значение в научном дискурсе. Ж.-Ж. Руссо, характеризуя свою эпоху, отметил то, что является актуальным и для эпохи современной:

«Все сводится к внешности, все становится деланным и притворным, и честь, и держава, и добродетель, а часто и самые пороки, так как люди открыли в конце концов тайну выдавать их за особые достоинства ... Мы имеем теперь, несмотря на всю нашу... гуманность и воспитанность, несмотря на все наши высокие принципы, одну только обманчивую и пустую внешность, честь без добродетели, разум без мудрости и удовольствие без счастья» [Руссо, 1907, с. 107].

Все более сложным становится вопрос о регуляторах социального поведения, когда честь (человеческое достоинство), держава (патриотизм, любовь к Родине), счастье (коллективное, одно на всех) подменяются вседозволенностью, стремлением к личному комфорту, иллюзорными, сиюминутными удовольствиями потребления. Исследование идентичности как специфической когнитивной схемы [Самсонов, 2014, с. 25], выступающей регулятором просоциального поведения, является весьма актуальным.

С одной стороны, идентичность не является социальной константой [Мисюрю, 2021, с. 149; Петракова, 2021, с. 90; Kurzweil, 2019]. С другой стороны, идентичность формирует социокультурное пространство как сферу жизненных приоритетов личности [Артыкбаев, Артыкбаева, 2015, с. 225; Белинская, 2018, с. 8; Рылская, Погорелов, 2021, с. 119; Van Halen и др., 2020]. Идентичности являются системами координат в определении основных точек социокультурного пространства — социальных статусов, что позволяет индивиду «более или менее адекватно реагировать на вызовы и условия внешней среды» [Самсонов, 2014, с. 25]. Кроме того, идентичность — это структурный компонент личности, а личность в классическом социально-гуманитарном дискурсе характеризуется рефлексивностью, осознанностью, ответственностью за свои действия. Таким образом, идентичности, формирующие личность и формирующиеся только в процессе диалога (в отличие от аватаров-симулякров), должны быть ресурсной базой человека как субъекта общественного развития, то есть не только «выживающего», адаптирующегося под вызовы извне, но и обладающего потенциалом творческого преобразования прежде всего самого себя и только после этого окружающей действительности на основе коллективизма, социальной справедливости, солидарности и взаимопомощи [Mancini, 2021]. Это необходимо помнить при анализе взаимосвязи идентичности и идеологии, когда идеология является средой детерминации идентичностей, а идентичность — «индикатором витальности и эффективности идеологии» [Коровникова, 2014, с. 19].

Постсоветская идентичность как социальный конструктор

Характеризуя идентичность жителей современной России, исследователи употребляют понятие «постсоветская идентичность», хотя и не дают его четкого определения (см., например, [Авксентьев, 2008; Коровникова, 2014; Самсонов, 2014; Юрлова, 2014; Капицын, 2015; Синеокая, 2018; Казаринова, Дунамаян, 2022]). При этом подчеркивается исключительность постсоветского пространства как результат уникальных исторических событий и поле для анализа идентичности. Неоднозначны также трактовки характеристик постсоветской идентичности, что во многом, на наш взгляд, детерминировано неоднозначным отношением исследователей к историческому прошлому России в целом и ее советскому периоду в частности, а также к современным реалиям и перспективам общественного развития страны, ее роли в глобальном геополитическом пространстве.

Отсутствие четкой концептуализации постсоветской идентичности может быть и свидетельством информационной войны, острой борьбы на постсоветском пространстве идеологий коллективистских принципов и индивидуалистских интересов; всеобщего блага и потребительства; социальной справедливости, взаимопомощи, поддержки и конкуренции, выживания, борьбы за комфортное «место под солнцем». Так, например, А. Д. Казимирчук употребляет термины «призраки идентичности», «Российская империя», «колониальная и постколониальная современная русская литература», «Homo impericus».

«Номо Impericus — это продукт имперского сознания, сгустки неких остаточных идей (призраков) восприятия себя и своей идентичности, где соединились жертвы и палачи, их родственники, объекты и субъекты колонизации со времен начала завоевательных процессов Российской империи. Общее колониальное прошлое оставило особый след в истории всех республик, народов и народностей бывшего советского пространства... Общее прошлое жителей империи (как Российской, так и ее наследницы — СССР) связано также с попыткой выстроить некую общую идентичность, с ее стремлениями и целями, едиными для всех. Это породило сбой в репрезентации империи для других стран и понимании жителями России своей собственной идентичности» [Казимирчук, 2017, с. 159].

Логика приемов информационной войны в этой точке зрения, на наш взгляд, очевидна — демонизация врага в его собственных глазах, что эффективнее всего, когда воспитано отрицательное отношение к историческому прошлому, навязано тотальное чувство вины за все действия отцов и дедов. Враг обессилен, скован чувством вины и колонизацию «прогрессивным» соседом будет воспринимать как благо.

Некоторые исследователи подчеркивают лиминальность, переходность постсоветской идентичности, которая сочетает в себе как распадающуюся советскую идентичность, так и пока полностью не сформированную идентичность «новой России»» [Чекменева, Прибытков, 2015, с. 705]. По мнению М. Ю. Барбашина, переходность характеризовала и общественное сознание жителей СССР на всех этапах его существования: в связи с масштабом территорий процесс коллективной идентификации начинался с трудом, а связь с дореволюционными событиями не поддерживалась политическим строем [Барбашин, 2012, с. 46].

В первое десятилетие после развала СССР постсоветская идентичность характеризовалась как негативная идентичность, что связано с желанием скорейшего ухода от устройства Советского Союза и устранения государственной идеологии. Как отмечает В. В. Самсонов, посткоммунистический нигилизм как практика самоидентификации был основан на максимальном дистанцировании от прошлой системы «коммунизма/социализма». «Абсолютное отрицание советского прошлого, иногда приобретающее черты ее демонизации, нанесло сильный удар по прежним формам идентичности» [Самсонов, 2014, с. 26–27]. Следствием этого стал идеологический вакуум, потеря основных ценностных и культурных ориентиров. Причем подобный феномен наблюдался не только в России, но и в других республиках бывшего СССР. К сожалению, до сих пор и в массовом сознании, и в некоторых кругах интеллектуальной элиты бытует отрицательный образ России — технической, интеллектуальной и нравственной отсталости, агрессивной колонизации, квасного патриотизма, неспособности к гражданскому миру, созданию собственной государственности. Бытует настолько, насколько человек стыдится сказать о себе «Я — россиянин». Негативная национальная идентификация проявляется не только на уровне «для себя», заключающаяся в презентации обществом самого себя, но в «образе для других», для внешнего мира, советское прошлое также представляется негативно. Хотя, как правило, «образ для других» сглаживает недостатки существующего социума и представляет его в лучшем свете [Юрлова, 2014, с. 111].

В. А. Авксентьев подчеркивает конфликтность постсоветской идентичности в период отхода от одной идентичности («советскости») к другой, российской. «Личности с такой переходной идентичностью не могут чувствовать себя тождественными друг другу. Конфликты идентичностей в такой ситуации неизбежны» [Авксентьев, 2008, с. 25]. На наш взгляд, конфликтность идентичностей при определенном сценарии будет сохраняться, и дело не в самом переходе как процессе, а в его сути — от чего уходим и к чему приходим. Так, Н. А. Коровникова совершенно справедливо отмечает, что «идентификационные процессы в российском социуме последних десятилетий характеризуются разрывами ментальных матриц» [Коровникова, 2014, с. 18]. По ее мнению, результатом этого «стал постсоветский человек как особый (контрастный) ментальный тип — рационально-оценочный (западный формат), с одной стороны, и эмоционально-компульсивный («консерватор советского образца»), с другой» [Коровникова, 2014, с. 18]. На наш взгляд, разрывы ментальных матриц случаются, когда в коллективистское сознание внедряется не лучший вариант индивидуализма с паттернами личного успеха ценой ресурсов и даже жизни других людей, потребительства и вседозволенности. В сознании нормального человека коллективизм и такой вариант индивидуализма сочетается слабо. Как следствие — конфликт идентичностей, рост тревожности, психологического и физического нездоровья, атомизация, социальный (управляемый?) хаос.

По мнению Ю. В. Синеокой,

«начиная с распада СССР (1991) в России идет формирование новой постсоветской российской идентичности — системы приоритетных ценностей, направленных на укрепление единства многонациональной, многоконфессиональной страны, полярной в социальном и имущественном расслоении» [Синеокая, 2018, с. 32].

Необходимо отметить, что многонациональность и поликонфессиональность — это исторический опыт России, а терпимость, которая по существу отличается от «лукавой» толерантности, являлась базовым элементом национальной идентичности. Чего не скажешь о таких масштабах социального и имущественного расслоения, которые не характерны для исторического прошлого страны. Современная Россия характеризуется экстремальным неравенством доходов [Лапин и др., 2020], что может приводить к конфликту идентичностей, так как разрывы в доходах могут разделять людей одной национальности или конфессии на сверхбогатых (господ) и людей «второго сорта» и «взрывать» многонациональное и поликонфессиональное единство.

Конфликтность, переходность, негативная самоидентификация, парадоксы поляризации — все это справедливые характеристики идентичности с приставкой «пост», приставки, которая как никогда характеризует отсутствие ясного образа будущего. И разрыв с советским прошлым, как и другими периодами отечественной истории не кажется в современных реалиях столь однозначным. Таким образом, требуется комплексный анализ постсоветской идентичности как совокупности ресурсов интеграции/ дезинтеграции, солидарности/разобщенности, порядка/аномии, патриотизма / унифицирующего космополитизма, «не ведающего родства». Требуется оценка концепта «постсоветская идентичность» на его соответствие/несоответствие экономическим, социальным, духовным и геополитическим задачам современной России.

Пространственная (территориальная) идентичность в структуре постсоветской идентичности

Социальная идентичность имеет множество проявлений — семейную, поколенческую, профессиональную, этническую и др. В рамках этой статьи рассмотрим проявления пространственно-территориальной идентичности в самосознании постсоветского человека. Зарубежные исследователи называют этот вид идентичности ареальной и утверждают, что она может быть интерпретирована как

«неотъемлемая часть социального чувства идентичности, на основе которого индивиды чувствуют и утверждают, что являются частью социальной группы, которая шире, чем личная сеть, и которая может определяться географическим положением» [Birkner и др., 2018, с. 352].

Пространственно-территориальная идентичность выражается в ментальной связи людей с ландшафтом, природой... [Капицын, 2015, с. 44] и строится на основе «морфологии пространства/места, которое переходит в уникальный ландшафт, характеризующий его историческое наследие, культурное наследие» [Плещенко и др., 2022, с. 32].

Унифицирующее воздействие процессов глобализации, усиление межрегионального соперничества в современном мире актуализирует не просто исследование пространственно-территориальной идентичности, а разработку идеологии ее формирования на основе политической перспективы [Плещенко и др., с. 34]. Подчеркнем, что идеология, определяемая властными институтами, формирует социально-территориальную структуру как фундаментальное видение пространства посредством инструментов маркирования и символизации социального пространства [Говорухин, 2009]. Как отмечает А. Т. Бикбов,

«производящий территорию принцип заключен не в физических свойствах самой территории, а в политической борьбе и вписанных в нее военных победах и поражениях. С изменением политического баланса сил изменяются географические границы или, по крайней мере, возникает повод к их пересмотру» [Бикбов, 2002].

Методология и методы

Рассмотрим некоторые индикаторы пространственно-территориальной идентичности россиян на основе результатов эмпирических исследований по типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Данная программа инициирована, разработана и реализуется с 2006 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук (ЦИСИ ИФ РАН). Руководители программы на федеральном уровне: д-р филос. наук, проф., член-корр. РАН Н. И. Лапин, д-р. социол. наук, вед. н. с. ЦИСИ ИФ РАН Л. А. Беляева. Инструментарий эмпирического исследования по данной программе включает в себя вопросы, касающиеся различных аспектов жизнедеятельности жителей региона, включая и идентичность.

По типовой методике в апреле–мае и ноябре–декабре 2020 г. в условиях социальных ограничений исследовательская группа кафедры политического анализа

и социально-психологических процессов РЭУ им. Г. В. Плеханова под руководством Е. В. Каргаполовой реализовала конкретное социологическое исследование методом онлайн-анкетирования (первая волна N = 1 700, вторая волна N = 1 400, в каждой волне 58% женщин, 42% мужчин) среди жителей Москвы и Московской области. В гугл-форме респондент указывал фамилию анкетера и свою контактную информацию, что дало возможность провести контроль работы анкетеров. Выборка отражает характеристики генеральной совокупности по полу. Доля жителей сельских поселений в Московской агломерации статистически незначима. Разница по индикаторам территориально-поселенческой идентичности в результатах двух волн исследования статистически незначима.

Результаты

Преобладание локально-поселенческой идентичности в структуре территориально-пространственной постсоветской идентичности

Важно отметить, что индивид является носителем множества идентичностей, которые различаются как своим уровнем, так и направленностью. Если по каким-то причинам происходит ослабление цивилизационной или национальной идентичности, то на передний план начинает выходить локально-поселенческая идентичность, «обладающая потенциалом преодоления кризиса общегражданской идентичности» [Аксютин, 2016, с. 115]. Так и произошло на территории постсоветского пространства, где переустройство цивилизационной идентичности привело к дроблению и многослойности идентичностей [Пастюк, 2014, с. 389; Аксютин, 2016, с. 115].

Сильный аппарат социализации жителя СССР четко определял место человека в обществе, однако после событий 1991 г. для идентификации себя жителям бывших республик пришлось обращаться к мезоуровневым социокультурным пространствам, таким как города и регионы проживания для нахождения «своей» и «близкой» позиции. Как отмечает В. М. Капицын, в современной России доминирует локально-территориальная идентификация, которая активизируется посредством «создания местного самоуправления, кондоминиумов в домах, выборов управляющих компаний и т. д.» [Капицын, 2015, с. 46].

По результатам эмпирического исследования, реализованного авторами статьи среди жителей Москвы и Московской области в 2020 г. по типовой методике Всероссийской научно-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» локально-поселенческая идентичность, в сравнении с другими видами территориальной идентичности — общероссийской (близость с жителями России), макрополитической (близость с жителями бывших республик СССР), проявлена больше всего. Так, при ответе на вопрос «В какой мере Вы чувствуете свою близость или отдаленность («свое» — «чужое») с такими людьми?» каждый четвертый опрошенный назвал жителей поселения своими, каждый третий — близкими, но не своими, примерно каждый третий — безразличными, каждый десятый — далекими, но не чужими и только 4% опрошенных — чужими. Таким образом различную степень близости к жителям своего

поселения (по сумме выбора вариантов ответов «свое» и «близкое, но не свое») отметили более половины опрошенных при преобладании ответа «близкое, но не свое».

Необходимо отметить, что историей многолетних (с 2006 г.) эмпирических наблюдений по типовой методике преобладание локально-поселенческой идентичности зафиксировано во всех регионах России — Республиках Карелия, Татарстан, Башкортостан, Чувашской, Карачаево-Черкесской Республиках, Пермском, Ставропольском краях, Астраханской, Владимирской, Вологодской, Курской, Ленинградской, Омской, Смоленской, Ульяновской, Тульской, Тюменской областях и др. (см., например, [Атлас модернизации России, 2016]). И во многих регионах России значения локально-поселенческой идентичности выше, чем в Московской агломерации. Так, например, по результатам эмпирического исследования 2020 г. в Карачаево-Черкесской Республике близость с жителями поселения отметили 70% опрошенных.

Высокие значения этого типа идентичности по прошествии тридцати лет после распада СССР уже неактуально объяснять только крахом советской национально-цивилизационной идентичности, изоляцией жизненного мира и осуществлением программ выживания и адаптации на уровне местного сообщества. Возможное объяснение заключается и в том, что в современном мире кризиса идентичностей, атомизации, виртуализации социальных практик, при которых размывается нормативное регулирование, социальные отношения как условие формирования личности подменяются поверхностными социальными контактами, у части россиян сохраняется, если не любовь, то позитивное отношение к месту проживания. По результатам наших исследований в Московской агломерации рады, что живут здесь более 43% опрошенных, в целом довольны, но многое не устраивает — 30%, 12% не испытывают особых чувств по этому поводу, 3% не нравится жить здесь, но они привыкли и не собираются уезжать, 2% хотели бы уехать в другой регион, 10% хотели бы вообще уехать из России. Эти результаты несколько выше, чем в других регионах России. Так, например, рады, что живут в Карачаево-Черкесской Республике, 33% опрошенных, в целом довольны, но многое не устраивает 42%, 6% не испытывают особых чувств по этому поводу, 3% не нравится жить здесь, но они привыкли и не собираются уезжать, 9% хотели бы уехать в другой регион, 3% хотели бы вообще уехать из России.

Общегражданская (общероссийская) идентичность

Общероссийская (гражданско-государственная, национально-гражданская) идентичность базируется «на отождествлении индивидуума с гражданами страны (со своей нацией), вплоть до эмоциональной эмпатии. Как и идентичности других уровней, национальное самосознание основывается как на рациональных представлениях об этом сообществе (опирающихся преимущественно не на индивидуальный, а коллективный опыт, т. е. культуру и историю), так и на символических представлениях (служащих эссенцией культурно-исторического опыта). Изменения национально-гражданской идентификации, выступающей важнейшим инструментом мобилизации людей, могут служить своеобразным маркером потенциальных и реальных социальных ресурсов для интеграционных или, наоборот, дезинтеграционных процессов» [Самсонов, 2014,

с. 26]. Эмпирические исследования зарубежных авторов проявляют связь между идентичностью с жителями своей страны и самопожертвованием, готовностью сражаться и умереть за свою группу [Paredes и др., 2019].

Исследователи отмечают рост общероссийской идентичности в последнее десятилетие (см., например, [Аксютин, 2016, с. 116]). Это зафиксировано и в результатах эмпирических исследований по типовой методике Всероссийской научной-исследовательской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов». Так, например, если в 2010 г. своими и близкими, но не своими жители всей России были для каждого четвертого-пятого жителя Астраханской области, то в 2016 г. — уже для каждого третьего. Увеличение данного показателя произошло за счет роста числа выборов варианта «близкое, но не свое» (с 13 до 22%), а варианту «свое» по-прежнему отдавал предпочтение каждый десятый. Хотя преобладающими здесь остаются оценки «безразличное» и «далекое, но не чужое», которые выбирали 61% астраханцев. По результатам исследования 2020 г. в Карачаево-Черкессии, наличие близости с жителями всей России отметил также каждый пятый, чуть более трети ответили — нет близости, затруднились ответить 45%. Также в 2020 г. каждый пятый респондент Москвы и Московской области считал своими жителей всей России, каждый четвертый — близкими, но не своими, примерно каждый пятый — далекими, но не чужими, всего 5% — однозначно чужими, каждый третий выбрал вариант ответа «безразлично». Таким образом, в Московском би-регионе значения общероссийской идентичности несколько выше, чем в регионах Юга России, что, вероятнее всего объясняется большим притоком внутререгиональных мигрантов в столичную агломерацию и Подмоскovie. Эффект мигранта проявляется в ощущении близости с жителями других регионов России. Но тем не менее локально-поселенческая идентичность и в данном регионе выше, чем общероссийская.

Преобладание локально-поселенческой идентичности над общероссийской возможно объяснить незавершенностью формирования новой российской гражданско-национальной идентичности. Это актуализирует необходимость дальнейших действий по реализации стратегии формирования национальной идентичности, понимаемой как «комплекс целенаправленно выстроенных или исторически-спонтанных практик, осуществляемых властными элитами и связанных с процессом национального строительства (поскольку оба процесса, «менеджмента идентичности» и «управление нациестроительством» связаны с определением желаемых изменений, выработкой смыслов и символов, консолидирующих общество, превращающих его в сообщество)» [Самсонов, 2014, с. 26]. Позитивным в этом аспекте видится рост значений общероссийской идентичности, что свидетельствует о том, что идеология нациестроительства, воплощенная в стратегии формирования национальной идентичности, проявляет первые позитивные результаты.

Макрополитическая идентичность в сознании россиян

По мнению Н. А. Коровниковой, дискурс постсоветской идентичности отчасти справедливо отождествляет с конструированием макрополитической идентичности, которая предполагает «наличие солидарности поверх границ, связанных с политическими и идеологическими предпочтениями» [Коровникова, 2014, с. 17]. В рамках статьи

под макрополитической идентичностью мы будем понимать степень близости с жителями бывших республик СССР.

По прошествии чуть менее тридцати лет после распада СССР в 2020 г. каждый десятый опрошенный Москвы и Московской области считал жителей постсоветского пространства однозначно своими, также каждый десятый — однозначно чужими; близкими, но не своими, а также далекими, но не своими — по 20% опрошенных, безразличными — чуть более трети (36%). По результатам опроса в Карачаево-Черкесской Республике чувствуют близость с жителями бывших республик СССР 12% опрошенных. В Астраханской области в 2010 г. однозначно своими считал жителей бывших республик СССР, также каждый десятый, близкими, но не своими — каждый шестой-седьмой, безразличными — каждый четвертый-пятый, далекими, но не чужими — каждый пятый, и однозначно чужими — также каждый шестой-седьмой. В Астраханской области значения идентичности с жителями СССР с 2006 по 2010 гг. выросли, при значительном (в 2,7 раза) сокращении числа затруднившихся и отказавшихся от ответа. Отметим, что выросла как доля ответов «свое» и «близкое, но не свое», так и доля ответов «безразличное», «далекое, но не чужое», «чужое». А в Московском би-регионе в 2020 г. значения этого показателя выше, чем в Астраханской в 2010 г. Интересно, что по данным опроса ВЦИОМ в 2006 г. 33% россиян считали своими соотечественниками граждан бывшего СССР [Бараш, 2011, с. 153].

Ожидаемо, что больше всего с жителями бывших республик СССР себя идентифицируют пожилые люди. По результатам опроса в Москве и Московской области доля выбора ответа «свое» у них также наибольшая среди возрастных групп и составляет 19,1%. Это объясняется тем, что взросление пожилых и значительная часть осознанной жизни проходила в Советском союзе. Но по сумме выборов ответов «свое» и «близкое, но не свое» разница в ответах пожилых и взрослых статистически незначима (36 против 33%). Различную степень близости к жителям постсоветского пространства указали и 27% молодежи.

Больше всего близость с жителями бывших республик СССР в Московской агломерации чувствуют верующие респонденты (17%), наибольшее безразличие проявили неверующие (47%), наибольшую отдаленность — атеисты (13%). Таким образом, чем более религиозен человек, тем ярче у него проявляется идентичность с жителями бывших республик СССР. Это наблюдение является интересным, поскольку в СССР пропагандировался атеизм. Объяснить это можно как возрастом респондентов (пожилые с наибольшей вероятностью будут обращаться к вере), так и «органичной связью самодержавного духа соборности и коммунистической общинной идеологии» [Овчарова, 2011, с. 89]. Поэтому после крушения и отчуждения идеологических ценностей СССР, в том числе и атеизма, люди пытались заполнить «духовный вакуум» обращением к религии. Обращение людей к религиозности становится составляющей постсоветской идентичности части россиян определенных возрастных групп. Вопрос только заключается в том, отвечает ли религиозное мировоззрение требованиям современности, ведь еще тридцать лет назад студентам советских вузов два года преподавали философию и обучали тому, что наиболее отвечает требованиям современности — философское мировоззрение, а религиозное — средневековью.

Ностальгия по СССР в структуре постсоветской идентичности

В результатах нашего эмпирического исследования зафиксировано то, что близость с жителями бывших СССР является частью пространственно-территориальной идентичности около трети россиян. В научном дискурсе и массовом сознании это непосредственно связывается с феноменом ностальгии по СССР. Исследования Левада-центра с 2000 по 2021 г. показывают высокий уровень ностальгии по СССР среди россиян и по результатам 2021 года 63% россиян сожалеют о распаде СССР, не испытывает сожаления каждый четвертый. Среди трех основных причин ностальгии по результатам опроса Левада-центра выделяются разрушенная единая экономическая система (49%); потеря чувства принадлежности к великой державе (46%); рост взаимного недоверия, жесточенности (36%) [Ностальгия по СССР, 2003–2022]. Две последние причины неразрывно связаны с феноменом идентичности.

В научном дискурсе причины ностальгии связываются прежде всего с общностью исторического прошлого и исторической памятью [Мазур, 2019, с. 182]. При этом надо отметить, что Конституция Российской Федерации регламентирует «защиту исторической правды», однако ситуация острого информационного противостояния («войн памяти») [Рыженко, 2018, с. 53]) обуславливает дифференциацию понимания социальных и культурных феноменов напрямую связанных идентичностью — от забвения прошлого, различных способов истолкования одних и тех же фактов и событий до открытия в прошлом тех явлений, интерес к которым вызван актуальными проблемами текущей жизни [Репина и др., с. 11]. События, связанные с советским периодом, не являются исключением и могут интерпретироваться как в позитивно-радужном, объективно-позитивном аспектах, так и в дискурсе коллективной травмы. Ностальгия может становиться политическим приемом активного мифотворчества путем эксплуатации советских образов во всех сферах общественной жизни [Мазур, 2019, с. 180–181]. «К вызову различных интерпретаций исторических событий могут располагать произведения искусства, вызывающие определенные эмоции» [Нечаева, 2016, с. 675].

Необходимо отметить, что ностальгия по СССР затрагивает все социальные слои и возрастные группы современной России и таким образом связана не только индивидуальным опытом, общим историческим прошлым и исторической памятью. Советское становится альтернативой современному [Блышко, 2014, с. 18]. Причины этого кроются в нестабильности социальных условий, отсутствии вероятного и привлекательного образа будущего, крахе адекватных воплощений технократически-прогрессистского, либерального проекта [Овчарова, 2011, с. 89–90; Романова, Федорова, 2021, с. 14]. Советское прошлое привлекает понятными и привычными для менталитета россиян ответами на вопрос «Кто Я?» в категориях коллективного «Мы», определенности, стабильности и порядка [Овчарова, 2011, с. 89–90].

Даже для молодежи ностальгия является

«формой замещения... В данном случае скорее важен сам факт существования позитивного периода в прошлом своей родины не как возможность „мифического возвращения“, а как прецедент, порождающий надежду... Этот факт обусловлен скорее всего активизацией современной исторической политики, направленной на формирование политического

единства российского общества на путях героизации и мифологизации общего прошлого. Мы наблюдаем здесь трансформацию классического образца ностальгии как мемориального феномена: происходит смещение от „географической“ фокусировки нашего чувства сожаления (тоска по родным местам, где провел детство или просто счастливый отрезок жизни) к чисто временной, „исторической“ (тоска по своего рода «золотому веку», более зажиточному и справедливому)» [Романова, Федорова, 2021, с. 14].

Ностальгия по СССР связана также с интеграцией постсоветского пространства как возможным сценарием будущего на основе общности исторического прошлого, хозяйства, культуры, системы ценностей народов постсоветских республик, [Бадмаев, Хутыз, 2015, с. 160; Пахомова, 2020, с. 148].

По мнению исследователей,

«современная эпоха характеризуется парадоксальной ситуацией: если раньше государства, чтобы сохранить свой международный авторитет и влияние, проводили политику экспансии и укрепления своего национального суверенитета, то теперь, в условиях глобализирующегося и многополярного мира, государствам, претендующим на ведущие роли в региональном и глобальном управлении, необходимо стремиться стать драйверами интеграционного объединения» [Бадмаев, Хутыз, 2015, с. 160–161].

При этом экономическая интеграция должна подкрепляться проектами макрополитической идентичности на основе общей системы ценности, исторического прошлого, культурных и цивилизационных ориентиров, терпимости как логики культурного единства в многообразии, ясного и привлекательного образа будущего.

Кризис идентичности

В научном дискурсе последних десятилетий анализ переломов, переворотов и других значительных изменений в структуре общества рефлексировается сквозь призму концепта «кризис идентичности», под которым понимается «конфликт между сформированными структурами идентичности личности и средствами вовлечения ее в окружающую действительность» [Дианова, Харьков, 2020, с. 74]. По мнению М. Н. Гребенюка, советское и постсоветское пространство является ярким примером подобного явления [Гребенюк, 2011, с. 112].

Кризис идентичности связан с процессами глобализации и постепенного упразднения роли национальных государств. По мнению исследователей, де-факто формируется единый элитарный центр, управляющий людьми посредством новейших информационных технологий. Осознанно формируются социумы, не способные «самоидентифицироваться с традициями, языком, обычаями и этносоциальными устоями» [Ермилина и др., 2018, с. 55]. Позиционирование приоритетов свободы и прав личности приводит к девальвации традиционных ценностей, как якобы несоответствующих современному, прогрессивному, инновационному. Приоритет свободы оборачивается утратой осознания ответственности, необходимости заботы о других как необходимого условия становления личности. А в научном дискурсе идентичность рассматривается как совокупность обязательств с разным уровнем силы и интеграции. Именно совокупность таких обязательств, возникающих из повседневного жизненного опыта индивидов, детерминирует их реакции на основные

жизненные события [Van der Gaag и др., 2020, с. 170]. Но взамен индивиду предлагаются невнятные, нерациональные химеры идентичностей — гибриды, создающие ситуацию неопределенности, аномии, размывающие прежние формы единства. И позиционируемая свобода оборачивается духовной и социальной несвободой.

На территории бывшего СССР кризис идентичности, как уже отмечалось выше, был усугублен стремительной и радикальной десоветизацией и либеральной повесткой, «которая во многих аспектах противоречила культуре, традициям и условиям исторического развития бывшего СССР» [Пахарь, 2018, с. 5]. На постсоветском пространстве современности «все более ощущается негативное влияние дезинтеграции образовательного и языкового пространства — мощная культурная и духовная интервенция внешних идеологических систем создает новые векторы напряжения в социуме» [Глазьев, Кефели, 2022, с. 13–14].

В результатах нашего эмпирического исследования кризис идентичности проявляется не только в значительной части респондентов, которые считают жителей своего поселения, России, бывших республик СССР чужими, а также далекими, но не чужими. Вызывает также опасения практически треть, которая проявляет безразличие, то есть не испытывает вообще никаких чувств. Эта группа практически выключена из социокультурного пространства территорий. Требуют дальнейшего исследования причины безразличия, эскапизма; особенности идентификационного профиля данной группы, присутствия в нем идентичностей виртуальных сообществ, зависимостей, в том числе, от интернета и т. д.

Выводы

1. При пересмотре в научном дискурсе и информационном пространстве негативных коннотаций постсоветская идентичность обладает определенным потенциалом как идеологический проект. Ресурсы интеграции, солидарности и патриотизма проявляются в том, что около половины респондентов ощущают близость с людьми своего поселения, около трети — с жителями бывших республик СССР и всей России. При этом необходима смена наименования концепта «постсоветская идентичность»: в условиях запроса общества на ясный и позитивный образ будущего концепты с приставкой «пост-» — это дорога в никуда. Необходим новый идеологический проект пространственно-территориальной идентичности, формирующий личность, субъекта общественного развития.
2. В результатах эмпирических исследований зафиксирована интереснейшее явление: через тридцать лет после распада СССР треть опрошенных чувствует близость с жителями России и бывших республик СССР, треть — не чувствует, треть — безразличны. С точки зрения системного анализа, это свидетельствует о ситуации острого информационного противостояния, с одной стороны, но, с другой стороны, — о сохраняющихся при этом ресурсах интеграции. Условие интеграции — формирование идентичности на основе идеологии, в рамках которой будут предложены наиболее адекватные для социальной системы цели, задачи и средства их реализации, базирующиеся на важнейших социокультур-

ных ценностях — социальной справедливости и ответственности, подлинного гуманизма, солидарности [Глазьев, 2022, с. 9].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Авксентьев В. А. 2008. Культура конфликта в конфликтологическом сценарии // *Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. СПб.: Алетейя. Т. III. Культурная динамика.* С. 25.
- Аксютин Ю. М. 2016. Анализ оснований национально-гражданской идентичности жителей Южной Сибири // *Апробация.* № 9 (48). С. 115–116.
- Артыкбаев М. Т., Артыкбаева А. А. 2015. Идентичность как социальное явление в социально-гуманитарных науках // *Известия вузов (Кыргызстан).* № 1. С. 225–226.
- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 360 с.
- Бадмаев В. Н., Хутыз З. А. 2015. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве и их социокультурное измерение // *Вестник Майкопского государственного технологического университета.* № 3. С. 158–162.
- Бараш Р. Э. 2011. Разделенный русский народ или разделенная советская нация? // *Вестник Российской нации.* № 4–5 (18–19). С. 152–176.
- Барбашин М. Ю. 2012. Советская идентичность в этносоциальном пространстве: институциональные особенности // *Теория и практика общественного развития.* № 7. С. 45–49.
- Белинская Е. П. 2018. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология.* Т. 8. № 1. С. 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101>
- Бикбов А. Т. 2002. Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки // *Отечественные записки. Электрон. журнал.* № 6 (7). URL: <http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=289> (дата обращения: 01.08.2022).
- Большко Д. В. 2014. Человек позднего социализма: конструирование образа другого (по материалам рунета) // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета.* № 1 (138). С. 17–20.
- Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф. 2022. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* № 16 (1). С. 10–21. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-01-10-21>
- Глазьев С. Ю. 2022. Идеология новой эры // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* № 16 (1). С. 9. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-9-9>
- Говорухин Г. Э. 2009. Символическое конструирование социального пространства осваиваемого региона (социологический анализ): автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 — социальная структура, социальные институты и процессы. Хабаровск. 38 с.
- Гребенюк М. Н. 2011. О кризисе идентичности // *Аналитика культурологии.* № 3 (21). С. 112–114.
- Дианова Г. А., Харьковская О. А. 2020. Кризис идентичности современной молодежи // *Инновационная наука.* № 8. С. 74–76.

- Ермилина О. П., Перская В. В., Ткаченко А. А. 2018. «Мягкая сила» как результативный инструмент внешнеполитического влияния в условиях перехода к многополярности // Экономические стратегии. Т. 20. № 5 (155). С. 54–63.
- Казаринова Д. Б., Дунамаля Н. А. 2022. Траектории развития постсоветских идентичностей: подходы, модели, тенденции // Политическая наука. № 1. С. 52–79.
- Казимирчук А. Д. 2017. Homo impericus и призраки идентичности в прозе современных писателей филология и культура // Philology and culture. № 3 (49). С. 159–166.
- Капицын В. М. 2015. Анализ советской и постсоветской национальной идентичности // Человек, образ, слово в контексте исторического времени и пространства. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. С. 44–47.
- Коровникова Н. А. 2014. Постсоветская идентичность: к определению проблемного поля // Современные евразийские исследования. № 1. С. 17–20.
- Лапин Н. И., Ильин В. А., Морев М. В. 2020. Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. № 1. С. 4–17.
- Мазур Л. Н. 2019. Ностальгия по СССР: память — мифы — политика? // Документ. Архив. История. Современность. № 19. С. 180–206.
- Мисюро А. Я. 2021. Идентичность, самопрезентация, притязания — грани понятий // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. Т. 33. С. 146–150.
- Нечаева А. А. 2016. Проблема культурной памяти в социологии // Культура, личность, общество в современном мире. № 4. С. 671–681.
- Ностальгия по СССР / Левада-Центр. 2003–2022. URL: <https://www.levada.ru/2021/12/24/nostalgija-po-sssr-3/> (дата обращения 1.06.2022).
- Овчарова А. И. 2011. Религиозно-политическое самосознание российских граждан и властных элит: кризисная трансформация // Философия права. № 6 (49). С. 86–90.
- Пахарь Л. И. 2018. Проблема определения российской коллективной идентичности // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). № 1 (3). С. 4–12.
- Пахомова А. Н. 2020. Историческая память народов постсоветских республик как фактор их вовлечения в интеграционные процессы // Молодость. Интеллект. Инициатива. № 1. С. 148–149.
- Петракова А. С. 2021. Понятия идентификации, самоидентификации и идентичности в социально-философском осмыслении // Alma mater (Вестник высшей школы). № 7. С. 89–96.
- Плещенко А. Н., Беликова Е. О., Дулина Н. В. 2022. Пространственная идентичность как конструкт социокультурного ландшафта региона (на примере Волгоградской области) // Primo Aspectu. № 4 (52). С. 31–38.
- Репина Л. П., Зверева В. В., Парамонова М. Ю. 2004. История исторического знания. М.: Дрофа. 288 с.
- Романова А. П., Федорова М. М. 2021. «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения // Южно-российский журнал социальных наук. Т. 22. № 1. С. 6–18.
- Руссо Ж.-Ж. 1907. О причинах неравенства. СПб.: Типолитография А. Э. Винеке. 166 с.
- Рыженко В. Г. 2018. О методиках выявления трансформаций образов прошлого в локальных культурных пространствах постсоветской России // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 4 (20). С. 53–57.

- Рыльская Е. А., Погорелов Д. Н. 2021. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики // Ярославский педагогический вестник. № 1 (118). С. 105–114.
- Самсонов В. В. 2014. Альтернативы постсоветской идентичности как выбор между направлениями интеграции // Информационные войны. № 2 (30). С. 25–32.
- Синеокая Ю. В. 2018. Смена ценностной парадигмы в России начала XXI столетия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 41. С. 32–40.
- Чекменева Т. Г., Прибытков А. А. 2015. Кризис национальной идентичности в постсоветской России в условиях глобализации // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. материалы XXI Междунар. науч. конф., Иваново, 30–31 марта 2022 г. № 1. С. 705–712.
- Юрлова С. В. 2014. Толерантность и патриотизм: парадоксы постсоветской идентичности // Вестник ЧелГУ. № 17 (346). С. 109–114.
- Birkner Z., Tivadar M., Berkes R. 2018. Settlement territorial identity // Proceedings of the ENTRENOVA — ENTerprise REsearch InNOVation Conference, Split, Croatia, 6–8 September 2018, IRENET — Society for Advancing Innovation and Research in Economy. Zagreb. Pp. 349–355.
- Kurzwelly J. 2019. Being German, Paraguayan and Germanino: Exploring the Relation Between Social and Personal Identity // Identity. An International Journal of Theory and Research. Vol. 19, Iss. 2. Pp. 144–156. <https://doi.org/10.1080/15283488.2019.1604348>
- Mancini T. 2021. Has COVID-19 Threatened Relational Identity? Risk Representation, Identity Threats, and Perceived Health during Quarantine // Identity. An International Journal of Theory and Research. Vol. 22, Iss. 3. Pp. 230–246. <https://doi.org/10.1080/15283488.2021.1979553>
- Paredes B, Santos D., Briñol P., Gómez A., Petty R. E. 2019. The role of meta-cognitive certainty on the relationship between identity fusion and endorsement of extreme pro-group behavior // Self and Identity. 2019. Vol. 19. Iss. 7. Pp. 804–824. <https://doi.org/10.1080/15298868.2019.1681498>
- Van der Gaag M. A. E., De Ruiter N. M. P., Kunnen S. E. 2020. The Landscape of Identity Model: An Integration of Qualitative and Quantitative Aspects of Identity Development // Identity. An International Journal of Theory and Research. Vol. 20. Iss. 3. Pp. 170–187. <https://doi.org/10.1080/15283488.2020.1821154>
- Van Halen C., Bosma H. A., van der Meulen M. 2020. Experiencing Self-Definition Problems over the Life Span // Identity. An International Journal of Theory and Research. Vol. 22. Iss. 3. Pp. 272–289. <https://doi.org/10.1080/15283488.2020.1782913>

References

- Avksent'ev, V. A. (2008). Culture of conflict in the conflict scenario. In *Fundamental problems of culturology: in 4 vols* (vol. 3, p. 25). [In Russian]
- Aksyutin, Y. M. (2016). Analysing the bases of the national-civil identity of the inhabitants of South Siberia. *Aprobatsiya*, (9), 115–116. [In Russian]

- Artykbaev, M. T., & Artykbaeva, A. A. (2015). Identity as a social phenomenon in the Humanities. *Izvestiya vuzov (Kyrgyzstan)*, (1), 225–226. [In Russian]
- Lapin, N. I. (ed.). (2016). Atlas of modernisation of Russia and its regions: socio-economic and socio-cultural trends and problems. [In Russian]
- Badmaev, V. N., & Khutyuz, Z. A. (2015). Integration processes in the post-Soviet space and their socio-cultural dimension. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, (3), 158–162. [In Russian]
- Barash, R. E. (2011). Divided Russian people or divided Soviet nation? *Vestnik Rossiyskoy natsii*, (4–5), 152–176. [In Russian]
- Barbashin, M. Yu. (2012). Soviet identity in ethno-social space: institutional features. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, (7), 45–49. [In Russian]
- Belinskaya, E. P. (2018). Modern identity studies: from structural certainty to procedural incompleteness. *Vestnik of St. Petersburg University. Psychology*, 8(1), 6–15. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.101> [In Russian]
- Bikbov, A. T. (2002). Social space as physical space: illusions and tricks. *Otechestvennye zapiski*, (6). Retrieved Aug. 1, 2022 from <http://www.strana-oz.ru/?numid=7&article=289> [In Russian]
- Blyshko, D. V. (2014). Man of late socialism: constructing the image of the other (on the materials of the runet). *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, (1), 17–20. [In Russian]
- Glaz'ev, S. Yu., & Kefeli, I. F. (2022). To the question of the ideology of the Eurasian Economic Union. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 16(1), 10–21. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-01-10-21> [In Russian]
- Glaz'ev, S. Yu. (2022). Ideology of the New Era. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, 16(1), 9. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-9-9> [In Russian]
- Govorukhin, G. E. (2009). *Symbolic construction of the social space of the region under development (sociological analysis)* [Doctoral (Soc.) dissertation abstract, Khabarovsk]. [In Russian]
- Grebenyuk, M. N. (2011). On the crisis of identity. *Analitika kul'turologii*, (3), 112–114. [In Russian]
- Dianova, G. A., & Khar'kova, O. A. (2020). The identity crisis of modern youth. *Innovatsionnaya nauka*, (8), 74–76. [In Russian]
- Ermilina, O. P., Perskaya, V. V., & Tkachenko, A. A. (2018). “Soft power” as an effective tool of foreign policy influence in the context of the transition to multipolarity. *Economic Strategies*, 20(5), 54–63. [In Russian]
- Kazarinova, D. B., & Dunamalyan, N. A. (2022). Trajectories of development of post-Soviet identities: approaches, models, trends. *Political science*, (1), 52–79. [In Russian]
- Kazimirchuk, A. D. (2017). Homo impericus and the ghosts of identity in the prose of modern writers. *Philology and culture*, (3), 159–166. [In Russian]
- Kapitsyn, V. M. (2015). Analysis of Soviet and post-Soviet national identity. *Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference “Chelovek, obraz, slovo v kontekste istoricheskogo vremeni i prostranstva”*, 44–47. [In Russian]
- Korovnikova, N. A. (2014). Post-Soviet identity: to the definition of the problem field. *Sovremnyye evraziyskie issledovaniya*, (1), 17–20. [In Russian]

- Lapin, N. I., Il'in, V. A., & Morev, M. V. (2020). Extreme Inequalities and the Social State (part 1). *Sotsiologicheskie Issledovaniia*, (1), 4–17. [In Russian]
- Mazur, L. N. (2019). Nostalgia for the USSR: memory—myths—politics? *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*, (19), 180–206. [In Russian]
- Misyuro, A. Ya. (2021). Identity, self-representation, claims — the facets of concepts. *Uchenye zapiski UO VGU im. P. M. Masherova*, (33), 146–150.
- Nechaeva, A. A. (2016). The problem of cultural memory in sociology. *Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire*, (4), 671–681. [In Russian]
- Levada-Tsentr. (2003–2022). *Nostalgia for the USSR*. Retrieved June 1, 2022 from <https://www.levada.ru/2021/12/24/nostalgia-po-sssr-3/> [In Russian]
- Ovcharova, A. I. (2011). Religious and political self-consciousness of Russian citizens and power elites: crisis transformation. *Filosofiya prava*, (6), 86–90. [In Russian]
- Pakhar', L. I. (2018). The problem of defining Russian collective identity. *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noy antropologii)*, (1), 4–12. [In Russian]
- Pakhomova, A. N. (2020). Historical memory of the peoples of the post-Soviet republics as a factor of their involvement in integration processes. *Molodost'. Intellekt. Initsiativa*, (1), 148–149. [In Russian]
- Petrakova, A. S. (2021). Notions of identification, self-identification and identity in socio-philosophical comprehension. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)*, (7), 89–96. [In Russian]
- Pleshchenko, A. N., Belikova, E. O., & Dulina, N. V. (2022). Spatial identity as a construct of sociocultural landscape of the region (on the example of Volgograd region). *Primo Aspectu*, (4), 31–38. [In Russian]
- Repina, L. P., Zvereva, V. V., & Paramonova, M. Yu. (2004). *History of Historical Knowledge*. Drofa. [In Russian]
- Romanova, A. P., & Fedorova, M. M. (2021). “Soviet nostalgia” of non-Soviet digital generation. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 22(1), 6–18.
- Rousseau, J.-J. (1907). *On the Origin of Inequality*. A. E. Vineke Typolytography. [In Russian]
- Ryzhenko, V. G. 2018. On the methods of identifying transformations of images of the past in local cultural spaces of post-Soviet Russia. *Herald of Omsk University. Series “Historical Sciences”*, (4), 53–57. [In Russian]
- Ryl'skaya, E. A., & Pogorelov, D. N. (2021). Personality identity in the virtual space of social networks and real identity: comparative characteristics. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, (1), 105–114. [In Russian]
- Samsonov, V. V. (2014). Alternatives of post-Soviet identity as a choice between the directions of integration. *Informatsionnye voyny*, (2), 25–32. [In Russian]
- Sineokaya Yu. B. 2018. The change of value paradigm in Russia of the early 21st c. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (41), 32–40. [In Russian]
- Chekmeneva, T. G., & Pribytkov, A. A. (2015). The crisis of national identity in post-Soviet Russia in the context of globalization. *Proceedings of the 21st international scientific conference “Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov”*, (1), 705–712. [In Russian]
- Birkner, Z., Tivadar, M., & Berkes, R. (2018). Settlement territorial identity. *Proceedings of the ENTRENOVA — ENTerprise REsearch INNOVation Conference, Split, Croatia, 6–8 September 2018, IRENET — Society for Advancing Innovation and Research in Economy*, 349–355.

- Kurzweily, J. (2019). Being German, Paraguayan and Germanino: Exploring the Relation Between Social and Personal Identity. *Identity. An International Journal of Theory and Research*, 19(2), 144–156. <https://doi.org/10.1080/15283488.2019.1604348>
- Mancini T. (2021). Has COVID-19 Threatened Relational Identity? Risk Representation, *Identity Threats, and Perceived Health during Quarantine. Identity. An International Journal of Theory and Research*, 22(3), 230–246. <https://doi.org/10.1080/15283488.2021.1979553>
- Paredes, B, Santos, D., Briñol, P., Gómez, A., & Petty, R. E. (2019). The role of meta-cognitive certainty on the relationship between identity fusion and endorsement of extreme pro-group behavior. *Self and Identity*, 19(7), 804–824. <https://doi.org/10.1080/15298868.2019.1681498>
- Van der Gaag, M. A. E., De Ruiter, N. M. P., & Kunnen, S. E. (2020). The Landscape of Identity Model: An Integration of Qualitative and Quantitative Aspects of Identity Development. *Identity. An International Journal of Theory and Research*, 20(3), 170–187. <https://doi.org/10.1080/15283488.2020.1821154>.
- Van Halen, C., Bosma, H. A., & van der Meulen, M. (2020). Experiencing Self-Definition Problems over the Life Span. *Identity. An International Journal of Theory and Research*, 20(3). Pp. 272–289. <https://doi.org/10.1080/15283488.2020.1782913>

Информация об авторах

Екатерина Владимировна Каргаполова, доктор социологических наук, профессор кафедры политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия
k474671@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2892-3953>

Ирада Азимовна Мусаева, бакалавр, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия
musaeva.irada.a@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8119-2475>

Мария Алексеевна Крестова, бакалавр, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия
marykrestova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1516-9741>

Information about the authors

Ekaterina V. Kargapolova, Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
k474671@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2892-3953>

Irada A. Musayeva, Undergraduate Student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
musaeva.irada.a@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8119-2475>

Maria A. Krestova, Undergraduate Student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
marykrestova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1516-9741>